

УДК 7.046
ББК 71.05
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-2-238-244

Ю.А. ЛАРИКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИФ О ФАКУНДО КИРОГЕ В КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА АРГЕНТИНЦЕВ

Юлия Анатольевна Ларикова,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
кафедра иностранных языков № 2,
старший преподаватель
Стремянный пер., д. 36, Москва, 117997, Россия
E-mail: julia.larikova@gmail.com

Реферат. К моменту провозглашения независимости в странах Латинской Америки сформировалось просвещенное сословие, принципиально отличавшееся от своих предшественников автономией по отношению к государственной власти. Несмотря на идеологические различия, их общей миссией было составить «символическую карту» новообразованных республик, наделив обширное, этнически и социально неоднородное пространство родной земли новыми культурными смыслами.

Писателям, поэтам, историкам и публицистам второй половины XIX в. предстояло в первую очередь переосмыслить на американской почве такие устоявшиеся в европейском сознании политические концепты, как «государство» и «нация». Для решения этой задачи литераторы заимствовали отточенные в Европе формальные методы и приемы. Так,

в рамках латиноамериканского социального романтизма поиск национальной идентичности совершался путем обращения к мифу.

В статье рассматривается опыт литературного мифотворчества в трудах аргентинских последователей романтизма. Основным материалом данного лингвокультурологического исследования послужило программное произведение просветителя и государственного деятеля Доминго Фаустино Сармьенто (1811–1888) «Цивилизация и варварство: Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики».

Изданное в 1845 г., в разгар многолетнего гражданского противостояния в Аргентине, оно снискало у соотечественников успех как жестокий памфлет в адрес бывшего тогда правителя, губернатора провинции Буэнос-Айрес Х.М. Росаса, чья единоличная власть опиралась на местах на грубую силу народных каудильо. Между тем глубинный замысел текста воплотился в центральной фигуре повествования, «злом гаучо» Факундо Кироге. На историческом материале гражданской войны первой трети XIX в. писатель создал мифопоэтического героя, призванного персонафицировать подспудные движения молодой аргентинской нации.

В ходе структурного анализа мифа о харизматичном народном лидере Факундо выделяются мифоло-

гические ипостаси этого сложного художественного образа, органично сочетающего в себе черты первопретка, тотема, трикстера и героя. Следует вывод о роли литературного мифа как культурного медиатора аргентинского общества.

Ключевые слова: аргентинский романтизм, литературный миф, мифологический герой, мифема, культурная картина мира, гаучо, каудильо, гражданская война, национальное самосознание.

Для цитирования: Ларикова Ю.А. Литературный миф о Факундо Кироге в культурной картине мира аргентинцев // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 238–244. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-238-244.

Российский философ и культуролог И.В. Кондаков в монографии «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху» утверждает: «В период разложения старой культуры, и особенно в период зарождения новой, устанавливается подавляющее господство мифологического типа мышления» [1, с. 91].

Объяснение этой исторической закономерности кроется в иррациональной природе и символической форме мифа, в его доступности массовому восприятию. Минуя критическое мышление, миф взывает к глубинному сознанию человека. В «неустойчивой ситуации переходного общества» мифы нации удовлетворяют запрос на непротиворечивую картину мира, выполняя роль секулярной религии.

Примерно к середине XIX в., после обретения независимости рядом стран Латинской Америки, в регионе сформировалось просвещенное сословие, с легкой руки уругвайского академика Анхеля Рамы получившее название «ученого города» («la ciudad letrada») [2], в котором пребывала преимущественно светская интеллектуальная элита, принципиально отличавшаяся от своих предшественников автономией по отношению к официальной власти [3]. Несмотря на различия в идеологических установках, их общей миссией было составить «символическую карту» [4, р. 3] новообразованных государств, наделив обширное, этнически и социально неоднородное пространство родной земли новыми культурными смыслами.

Писателям, поэтам, историкам и публицистам «ученого города» предстояло в первую очередь переосмыслить на американской почве такие устоявшиеся в европейском сознании политические концепты, как «государство» и «нация». Для решения этой задачи литераторы заимствовали отточенные в Европе формальные методы и приемы. Так, в рамках латиноамериканского социального романтизма поиск национальной идентичности совершался путем обращения к мифу.

В книге «Философия искусства» теоретик немецкого романтизма Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (1775–1854) дает концептуальное обоснование связи искусства и мифа через понятие «абсолюта». Мифология в представлении философа служит источником «первообразов», питая искусство универсальными смыслами и обеспечивая ему бессмертие:

«Мифология есть не что иное, как универсум в более торжественном одеянии, в своем абсолютном облике, истинный универсум в себе, образ жизни и полного чудес хаоса в божественном образотворчестве, который уже сам по себе поэзия и все-таки сам для себя в то же время материал и стихия поэзии. <...> Только в пределах такого мира возможны устойчивые и определенные образы, через которые только и могут получить выражение вечные понятия. Произведения искусства должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколения и растения, обладая одновременно индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [5, с. 105].

Опыт литературного мифотворчества, примеры которого можно наблюдать в произведениях европейских романтиков Дж. Байрона, Ф. Шиллера и И.В. Гете [6], особенно пригодился в Аргентине, где писатели, в отличие от своих коллег в Мексике [7], не имели возможности черпать вдохновение в богатой мифологии индейских цивилизаций. Первообразом для «Пленницы» Эстебана Эчеверриа [8], «Факундо» Доминго Сармьенто [9], равно как и для поэмы о гаучо лидера позднего аргентинского романтизма Хосе Эрнандеса «Мартин Фьерро» [10], становится первозданный хаос: открывшееся взору непокоренное пространство пампы.

Вместе с тем, как пронизательно заметил культуролог-латиноамериканист В.Б. Земсков, именно Д. Сармьенто первым совершает следующий шаг, обнаружив в «пустыне» национальный человеческий тип — гаучо, а затем и находит ему мифоэпическое воплощение в образе-персонаже Факундо Кироги [11, с. 461].

Философско-художественный очерк «Цивилизация и варварство: Жизнеописание Хуана Факундо Кироги», опубликованный в 1845 г., в разгар многолетнего гражданского противостояния в Аргентине, вошел в литературный обиход под кратким названием «Факундо», по имени главного героя повествования (1788–1835), реального исторического деятеля, ближайшего сподвижника диктатора Хуана Мануэля де Росаса.

Вместе с тем выбор антиномии «цивилизация и варварство» в качестве заглавия и смыслового ядра произведения не воспринимался современниками Д. Сармьенто как излишне отвлеченный.

Достижения антиколониальной Майской революции 1810 г., за которой в 1816 г. последовало подписание Декларации независимости Аргентины от Испании и других стран, на протяжении десятилетий оспаривали два противоборствующих лагеря: консервативно настроенные федералисты, мобилизовавшие сельские массы под предводительством народных каудильо (исп. «caudillo» — вождь), и унитарии, преимущественно представленные военными и городской интеллигенцией, сторонники развития страны в лоне европейской цивилизации. Согласно новейшим исследованиям [12], помимо трудов западных просветителей, таких как Франсуа Гизо [13], во время работы над «Факундо» писатель взял на вооружение риторику провинциальной либеральной газеты «La Auroga Nacional», выходившей в Кордобе в 1830–1831 годах. В пылу полемики гражданский конфликт журналисты трактовали как столкновение цивилизации и варварства.

Таким образом, для конструирования сложной социальной реальности Аргентины автор Г.С. Романова прибегает к свойственному политической риторике дуализму [14]. В тексте очерка, отразившего раскол аргентинского общества, идеологические категории «цивилизация» и «варварство» включают в себя исторические, геополитические, этнокультурные, социокультурные, хозяйственно-экономические, этические и другие эксплицитно и имплицитно выраженные оппозиции, а именно: «Европа» — «Азия», «город» — «село», «модернизация» — «застой», «свобода» — «деспотизм», «гражданское общество» — «клановость», «разум» — «инстинкты» и т. д.

Отдавая дань цивилизационному наследию Европы в становлении латиноамериканской государственности, Д. Сармьенто подчеркивает революционную миссию Аргентины, воплощенную в героической фигуре Бернардино Ривадавии (1780–1845), руководителя борьбы за независимость региона Ла-Плата. Между тем зарисовки диких обычаев гаучо, обитателей аргентинской пампы, головорезов, следопытов и музыкантов, выполненные в традициях литературного романтизма, наводят на мысль о природном и духовном потенциале молодой нации. Собирательным выражением народного духа на страницах произведения стал художественный образ Факундо Кироги.

«Страшная тень Факундо, я вызываю тебя, чтобы, стяхнув напитанную кровью пыль, которой покрыт твой прах, ты явился, приоткрыл нам потаенную жизнь благородного народа и прояснил те глубокие потрясения, что терзают его душу. Ты владеешь тайной: так открой ее нам!» [15, с. 7].

Эти известные любому школьнику Ла-Платы слова, предваряющие рассказ о деяниях грозного народного вожака, обнажают центральный авторский замысел: на историческом материале гра-

жданской войны первой трети XIX в. создать героя национального мифа, чья роль состояла бы в «моделировании общины» [16, с. 171], точнее, в олицетворении подспудных движений переходного аргентинского общества.

Судьба дважды сводит писателя и прототип его персонажа. Впервые — в далеком 1827 г., когда войско федералистов под командованием Ф. Кироги занимает его родной Сан-Хуан. Вид бородатых, полуподетых, невымытых вояк производит на начитанного подростка впечатление средневекового варварства. А спустя три года после этих событий лейтенант армии унитариев Д. Сармьенто окажется в плену у противника, и лишь заступничество одного офицера поможет ему избежать смертной казни. Ф. Кирога пригрозит расстрелять его, если тот еще раз попадет на глаза [17, с. 16].

Встреча Д. Сармьенто с Ф. Кирогой не нашла отражения в тексте «Факундо». По воле автора на месте исторической фигуры возникает мифологическая, органично соединяющая в себе черты первопродка, тотема, трикстера и героя.

«Таков человек в начале рода человеческого, и так проявляется он на обширных просторах Аргентинской Республики. Факундо — это воплощение примитивного варварства; он не терпел никакого подчинения; его ярость была яростью зверя: грива черных курчавых волос падала ему на лоб и на глаза, свисая длинными космами, подобно змеям на голове Медузы Горгоны; голос его был хриплый, а взгляды ранили, как кинжал» [15, с. 61].

Как видно из данного портретного описания, античные аллюзии «наслаиваются» на фольклорную основу мифа о Факундо, придавая ему дополнительное измерение. В настоящем исследовании литературный миф Д. Сармьенто рассматривается как оригинальная конструкция, отдельные элементы которой (мифемы) приобретают свое значение лишь в особой, заданной автором комбинации друг с другом.

Факундо впервые предстает перед читателем в образе юного гаучо, укравшегося от правосудия на просторах пампы, там, где «зверь и человек оспаривают меж собой господство над природой». Он чуть было не становится добычей тигра-людоеда (исп. «el tigre cebado»)¹, привыкшего охотиться в одиночку. Спасаясь от преследования, удалец успевает взобраться по тонкому стволу рожкового дерева. Осада продолжается долгие два часа, пока друзья, напав на след гаучо, не набрасывают на хищника лассо. Тогда Факундо спускается на землю и закалывает тигра, забирая себе его тотемные свойства.

Животное чутье позволяло Факундо распознавать в рядах военных воров и дезертиров. Беспри-

¹ В действительности речь идет о ягуаре, которого испанские конкистадоры окрестили «тигром».

мерной жестокостью и коварством предводитель оправдывает свое легендарное прозвище «Тигр Равнин» («Tigre de los Llanos»), да и весь его внешний облик, особенно огненный взгляд исподлобья, отмечает Д. Сармьенто, напоминал звериный.

Ловкость, предприимчивость и вероломство выдают в Факундо иную мифологическую ипостась — трикстера. В годы войны за независимость будущий народный идол попадает за хулиганство под стражу, однако ему удается бежать из тюрьмы, попутно насмерть забив кандалами группу пленных роялистов, готовивших побег. Происшествие в Сан-Луисе закрепляет за молодчиком репутацию сорвиголовы, благодаря чему он получает от влиятельного клана Окампо назначение полевым командиром. Однако и здесь он, по выражению автора, выступает в роли «Троянского коня»: свергнув власть своих покровителей, Факундо становится признанным «вождем» провинции Ла-Риоха.

Тем не менее трикстер — лишь грань этого сложного образа или одна из масок, под покровом которой герой снова и снова обыгрывает судьбу. Но по мере того как набирает мощь его воинская харизма, проявляется и глубинная пассионарная сущность Факундо.

«...Факундо в связи с величественно дикой природой, которая преобладает на громадном пространстве Аргентинской Республики, Факундо как верное воплощение бытия целого народа, его забот и его чувств, Факундо, наконец, такой, каким он стал, но не под влиянием своего дурного характера, а по неизбежным, не зависящим от его воли причинам, — это самый необыкновенный, самый замечательный исторический персонаж, какой только может представиться для изучения тем, кто понимает, что каудильо, возглавляющий крупное общественное движение, — не более чем зеркало, в коем отражаются, увеличенные во сто крат, верования, нужды, устремления и обычаи целой нации в определенный период ее истории» [15, с. 13].

Факундо сделался завоевателем не только и не столько из-за денег, утверждает Д. Сармьенто: деньги у Кироги, азартного игрока, утекали сквозь пальцы. Он повел за собою простой народ, потому что «ощущал в себе силу и волю к действию», повинувшись «слепому и неясному инстинкту» всадника гаучо. Недаром писатель ставит свой персонаж в один ряд с величайшими пассионариями в истории человечества: Цезарем, Магометом, Тамерланом и Александром Македонским.

Стоит, однако, мифоэпическому герою одержать очередную военную победу, как на сцену вновь выступает его дублер трикстер. Факундо монополизирует торговлю скотом в своей вотчине Ла-Риохе, грабит местную буржуазию, глумится над образованным сословием и в конце концов истощает провинцию. В каждой из восьми покоренных им земель

царят варварство и беззаконие. Казалось бы, «Тигр Равнин» никогда не насытится.

В посмертном сборнике статей В.Б. Земского «О литературе и культуре Нового Света» подробно приведены народные источники литературного жизнеописания Ф. Кироги (устные свидетельства и записи воспоминаний, так называемая эпическая молва; типовые фольклорные жанры, например романс о «злом гаучо», и т. д.) [18, с. 406–407]. Зачастую именно они, а не исторические документы или хроники гражданской войны формировали эпическую фактуру произведения. Вместе с тем сюжетную линию «Факундо», как нетрудно доказать при помощи метода структурного анализа мифа К. Леви-Стросса, задают лейтмотивы, объединяющие единицы действия — мифемы [19, с. 244–261].

Рассмотрим два главных сюжетобразующих лейтмотива: «бунт против отца» и «искушение героя».

Качества бунтаря давали о себе знать еще в детском возрасте. Звонкая пощечина учителю обеспечила Ф. Кироге славу школьного заводилы. Нежелание и неумение вписаться в систему, используя принятые рычаги для продвижения по социальной лестнице, вынуждают Факундо к восстанию против заведенного порядка. Несомненно, такую поведенческую установку можно трактовать как эдипов комплекс. В этом смысле глубоко символична сцена, в которой после ссоры с отцом герой поджигает крышу родительского дома. Роковое следование по пути бунта превращает его в «злого гаучо» («el gauchito malo»), врага любых институтов и норм и, соответственно, города как гражданской общности:

«Он почувствовал себя сильным, готовым действовать; его подталкивал слепой, неосознанный инстинкт, и он слушался лишь его; это полководец пампы, злой гаучо, враг гражданского правосудия, гражданских порядков, враг просвещенных людей, враг учености, фрака, одним словом — враг *города*» [15, с. 91].

Естественно, что сопротивление людей и обстоятельств только усиливало напор этой неистовой личности. Существовал один лишь способ укротить Факундо: прельстить его удалой вольницей и шальными деньгами, что и сделал Х.М. Росас — аргентинский сфинкс («la Esfinge Argentina»). Зеркальное отражение пассионарного вожака, расчетливый диктатор сумел обратить Кирогу в свою «тень», совершая его руками бесчисленные политические преступления.

Здесь вступает второй лейтмотив, в состав которого входят мифемы: «искушение властью», «искушение городом» и «искушение смертью».

Вслед за серией поражений от генерала Х.М. Паса народному предводителю удается взять реванш. Овладев крепостью Сьюдадела, возведенной некогда Сан-Мартинем в провинции Тукуман, он оттесняет остатки армии противника к рубежам республики. Чутье подсказывает Факундо, что настал его час.

Пользуясь отсутствием своего покровителя и соперника, замыслив заговор против правительства, он прибывает в Буэнос-Айрес. Там в окружении городской знати он неожиданно объявляет себя «унитарием среди унитариев», критикует Х.М. Росаса и превозносит своих заклятых антагонистов, персонажирующих у Д. Сармьенто рациональное и прогрессивное начала в военном искусстве и управлении государством — Х.М. Паса и Ривадавию.

Однако Кирога против обыкновения медлит перед решительным шагом. Город испытывает Факундо: чуждый строй жизни и блага цивилизации притупляют его природный инстинкт. Вчерашний гроза унитариев в одночасье преображается: «Факундо ведет себя осмотрительно, вид у него достойный и внушающий уважение, пусть он и носит кафтан и пончо, наброшенное на одно плечо, пусть у него длинная борода и буйная шапка волос» [15, с. 140].

В Буэнос-Айресе Кирога впервые сознает, что «где-то есть другая власть, помимо его собственной». Когда однажды ночью полиция врывается к нему в комнату, тот привычным жестом гаучо хватается за кинжал, но вдруг колеблется и выпускает смертоносное оружие из рук. Эпизод этот предопределяет трагический конец героя.

Он покинул «лаплатские Фивы» («la Tebas del Plata»)² пять лет спустя, когда было уже слишком поздно. В 1835 г., выполняя правительственное задание, Факундо останавливается в Кордобе, где его предупреждают о готовящемся покушении, но, влекомый танатосом — зовом смерти — он держит обратный путь вновь через Кордобу. На каждом перевале он требует: «Коней! Коней!» — и спешно меняя их, во весь опор мчится навстречу своему року. В уединенном местечке Барранка-Яко, на севере Кордобы, его поджидает другой «злой гаучо», капитан Сантос Перес. «Что все это значит?» — браво спросил у С. Переса Кирога, высунув голову из окна дилижанса, когда две пули с обеих сторон прошили повозку, а вместо ответа он получил пулю в глаз.

В своем знаменитом сборнике избранных работ французский семиолог Ролан Барт [20, с. 111] вступает в интертекстуальный спор с буржуазным XIX в. и его ярким деятелем Фридрихом Шеллингом, создателем романтической теории мифа:

«Внешний мир поставляет мифу некоторую историческую реальность, и, хотя ее возникновение может относиться к очень давним временам, она определяется тем способом, которым была произведена и использована людьми; миф же придает этой реальности видимость *естественности*. <...> Прodelьвается некий фокус: реальность опрокидывают, вытряхивают из нее историка и заполняют

природой; в результате вещи лишаются своего человеческого смысла и начинают означать лишь то, что человек к ним непричастен. Функция мифа заключается в опустошении реальности, миф — это буквально непрерывное кровотоечение, истечение, или, если угодно, испарение смысла, одним словом, ошутимое его отсутствие».

В отличие от романтического представления о мифе как об источнике универсального, т. е. внеисторического содержания, миф определяется Р. Бартом через отсутствие смысла по причине «утраты вещами своих исторических свойств».

Антибуржуазная интерпретация мифа проливает свет на прагматические задачи, которые ставил перед собой Д. Сармьенто, мифологизируя, а значит искажая и в какой-то степени *обесмысливая* травматический опыт кровопролитной гражданской войны в Аргентине. Миф о харизматичном народном каудильо, человеке-тигре Факундо служил, с одной стороны, медиатором расколотого войной общества, а с другой — символическим мостом между освободительной Майской революцией и политической реакцией Х.М. Росаса.

Включение мифа о национальном величии в модель аргентинского самосознания в том виде, в котором она предстала в очерке «Факундо», наряду с традиционно выделяемыми компонентами «цивилизации» и «варварства», вносит продуктивный диалектический элемент в поляризованную картину мира автора. Синергия триады «цивилизация» — «варварство» — «миф» объясняет актуальность контрастной культурной матрицы, заложенной классиком, внутри которой аргентинская либеральная интеллигенция по сей день чувствует себя комфортно, в то время как приверженцы исторического ревизионизма настойчиво призывают к критической переоценке наследия Д. Сармьенто.

Список источников

1. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И.В. Кондаков, К.Б. Соколов, Н.А. Хренов. Москва : Прогресс-Традиция, 2011. 1023 с.
2. Rama A. La ciudad letrada. Uruguay : Arca, 1998. 126 p.
3. Myers J. La revolución en las ideas: La generación romántica de 1837 en la cultura y la política argentinas // Nueva historia argentina. Т. 3. Buenos Aires : Sudamericana, 2005. P. 381—445.
4. Montaldo G. El cuerpo de la patria: Espacio, naturaleza y cultura en Bello y Sarmiento // Hispanérica. 1994. № 3. P. 3—20.
5. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. Москва : Мысль, 1966. 496 с.
6. Полякова О.Л., Казакова И.Б. Литературный миф Нового времени: Опыт структурирования у И.В. Гете и Дж. Китса // Проблемы филологии, культурологии и искусствознания. 2012. № 2. С. 185—190.

² Фивы — крупный древнегреческий город, с которым связаны сказания об Эдипе, Геракле, Дионисе и других мифологических героях.

7. Кутейщикова В.Н. Литература Мексики // История литератур Латинской Америки. Т. II. Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1988. С. 144–190.
8. Echeverría E. La Cautiva. El Matadero. Buenos Aires : Huemul, 1970. 150 p.
9. Sarmiento D.F. Facundo o civilización y barbarie. Buenos Aires : Sopena, 1960. 261 p.
10. Hernández J. Martín Fierro. Madrid : Ed. Cátedra, 2005. 424 p.
11. Творчество Доминго Фаустино Сармьенто и литературное развитие в 50–70-х годах // История литератур Латинской Америки. Т. II. Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1988. С. 452–474.
12. De la Fuente A. Civilización y barbarie': fuentes para una nueva explicación del Facundo [Электронный ресурс] // Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. Emilio Ravignani, 2016. URL: http://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0524-97672016000100005#2 (дата обращения: 17.01.2018).
13. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Москва : Территория будущего, 2007. 329 с.
14. Романова Г.С. Эвита: создание имиджа дискурсивными средствами // Ибероамериканские тетради. 2016. № 12. С. 168–180.
15. Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство : Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской Республики. Москва : Наука, 1988. 272 с.
16. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-е изд., репр. Москва : Восточная литература, 2000. 407 с.
17. Sarmiento D.F. Mi defensa [Электронный ресурс] // Biblioteca virtual universal, 2003. URL: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/300733.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).
18. О литературе и культуре Нового Света [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2014. 888 с. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=8lkDCwAAQBAJ&printsec=frontcover&pg=GBS.PP1> (дата обращения: 03.03.2018).
19. Леви-Стросс К. Структурная антропология / [пер. с фр. В.В. Иванова]. Москва : Академический проект, 2008. 554 с.
20. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва : Прогресс, 1989. 616 с.

The Literary Myth of Facundo Quiroga in the Cultural Worldview of Argentines

Yulia A. Larikova

Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyannyi Lane, Moscow, 117997, Russia
E-mail: julia.larikova@gmail.com

Abstract. *By the time of declaring their independence, Latin American countries had formed an enlightened class that was fundamentally different from its predecessors in terms of autonomy in relation to state power. Despite ideological differences, their common mission was to draw up a “symbolic map” of the newly formed republics, endowing the vast, ethnically and socially heterogeneous space of the native land with new cultural meanings.*

On American soil, writers, poets, historians and publicists of the second half of 19th century had first to rethink such political concepts as “state” and “nation”, established in the European consciousness. To solve this problem, the writers borrowed formal methods and techniques longstanding in Europe. Thus, within the framework of Latin American social romanticism, the search for national identity was accomplished by turning to myth.

The article deals with the experience of literary myth-making in the works of Argentine followers of romanticism. The main material of this linguoculturological study is the pro-

gram work of the educator and statesman Domingo Faustino Sarmiento (1811–1888) “Civilization and Barbarism: The Biography of Juan Facundo Quiroga, and the Physical Appearance, Customs and Mores of the Argentine Republic”. Published in 1845, in the midst of a longtime civil strife in Argentina, it gained success among the compatriots as a cruel pamphlet against the leader of that time, Governor of Buenos Aires Province J.M. de Rosas, whose personal authority in the regions had been based on the brute force of the Caudillo. Meanwhile, the deep meaning of the text is embodied in the central figure of the narrative, “the evil Gaucho” Facundo Quiroga. On the historical material of the civil war of the first third of the 19th century, the writer created a mythical epic hero, designed to personify the underlying movement of the young Argentine nation. During the structural analysis of the myth of the charismatic people’s leader Facundo, the article highlights the mythological hypostases of this complex artistic image, which organically combines the features of a primal ancestor, a totem, a trickster and a hero. The author concludes on the role of literary myth as a cultural mediator of Argentine society.

Key words: Argentinian romanticism, literary myth, mythological hero, mythologeme, cultural worldview, Gaucho, Caudillo, civil war, national identity.

Citation: Larikova Yu.A. The Literary Myth of Facundo Quiroga in the Cultural Worldview of Argentines, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 238–244. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-238-244.

References

1. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. (eds). *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnyuyu epokhu: kul'turologicheskii, sotsiologicheskii i iskusstvedcheskii aspekty* [Civilizational Identity in the Transitional Epoch: Culturological, Sociological, and Art History Approaches]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2011, 1023 p.
2. Rama A. *La ciudad letrada*. Uruguay, Arca Publ., 1998, 126 p.
3. Myers J. La revolución en las ideas: La generación romántica de 1837 en la cultura y la política argentinas, *Nueva historia argentina*, vol. 3. Buenos Aires, Sudamericana Publ., 2005, pp. 381–445.
4. Montaldo G. El cuerpo de la patria: Espacio, naturaleza y cultura en Bello y Sarmiento, *Hispanérica*, 1994, no. 3, pp. 3–20.
5. Schelling F.W.J. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, 496 p.
6. Polyakova O.L., Kazakova I.B. The Literary Myth of the Modern Age: The Experience of Structuring in J.W. Goethe's and J. Keats's Works, *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniiya* [Problems of Philology, Cultural Studies and Art Studies], 2012, no. 2, pp. 185–190 (in Russ.).
7. Kuteishchikova V.N. Mexican Literature, *Istoriya literatur Latinskoj Ameriki* [The History of Latin American Literatures], vol. II. Moscow, Institut Mirovoi Literatury im. A.M. Gor'kogo RAN Publ., 1988, pp. 144–190 (in Russ.).
8. Echeverría E. *La Cautiva. El Matadero*. Buenos Aires, Huemul Publ., 1970, 150 p.
9. Sarmiento D.F. *Facundo o civilización y barbarie*. Buenos Aires, Sopena Publ., 1960, 261 p.
10. Hernández J. *Martín Fierro*. Madrid, Ed. Cátedra Publ., 2005, 424 p.
11. Zemskov V.B. The Works of Domingo Faustino Sarmiento and the Literary Development in the 50s–70s, *Istoriya literatur Latinskoj Ameriki* [The History of Latin American Literatures], vol. II. Moscow, Institut Mirovoi Literatury im. A.M. Gor'kogo RAN Publ., 1988, pp. 452–474 (in Russ.).
12. De la Fuente A. Civilización y barbarie: fuentes para una nueva explicación del Facundo, *Boletín del Instituto de Historia Argentina y Americana Dr. Emilio Ravignani*, 2016. Available at: http://www.scielo.org.ar/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0524-97672016000100005#2 (accessed 17.01.2018).
13. Guizot F. *Istoriya tsivilizatsii v Evrope* [The History of Civilization in Europe]. Moscow, Territoriya Budushchego Publ., 2007, 329 p.
14. Romanova G.S. Evita: Creating the Image by Discursive Means, *Iberoamerikanskije tetradj* [Ibero-American Notebooks], 2016, no. 12, pp. 168–180 (in Russ.).
15. Sarmiento D.F. Tsivilizatsiya i varvarstvo: *Zhizneopisanie Khuana Fakundo Kirogi, a takzhe fizicheskii oblik, obychai i nnavy Argentinskoj Respubliki* [Civilization and Barbarism: The Biography of Juan Facundo Quiroga, and the Physical Appearance, Customs and Mores of the Argentine Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 272 p.
16. Meletinsky E.M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2000, 407 p.
17. Sarmiento D.F. Mi defense, *Biblioteca virtual universal*, 2003. Available at: <http://www.biblioteca.org.ar/libros/300733.pdf> (accessed 17.01.2018).
18. Zemskov V.B. *O literature i kul'ture Novogo Sveta* [On the Literature and Culture of the New World]. St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 2014, 888 p. Available at: <https://play.google.com/books/reader?id=8lkDCwAAQBAJ&printsec=frontcover&pg=GBS.PP1> (accessed 03.03.2018).
19. Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2008, 554 p. (in Russ.).
20. Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p.